

В опрокинутом мире

Вторая книга кемеровского прозаика Геннадия Дорогова «Опрокинутый мир» — серьёзная заявка на своё место в современной кузбасской литературе. В ней — восемь рассказов и две небольшие повести. Признаться, ни одно из новых произведений не дублирует первую книгу «Пушистый хвост белки», вышедшую в 2006 году. И если первая книга представляла собой хотя и добротную, но подборку «криминального чтива», то в этой автор раскрывается с иной стороны. Замечу, что, судя по датировкам, те и другие его творения писались в одно и то же время — с начала 2002 года и по сей пору.

Итак, о чём новая книга? А вчитайтесь внимательно в само заглавие! Да-да, о том самом нашем времени и пребывании всех нас в перевёрнутом — «опрокинутом мире» более полутора десятков последних лет. Казалось бы, пора уже и привыкнуть, приспособиться всем к этому самому миру. Сделать это нынешним 15 — 25-летним молодым людям совсем не сложно. Им просто не с чем сравнивать, они — дети своего времени. Но как быть с теми, кому сейчас по 40, 50, 70 лет? И уж точнее, чем «опрокинутым миром», нынешнее бытие для большинства из них и назвать-то нельзя.

Читая рассказы и повести Геннадия Дорогова из этой книги, у меня невольно возникли ассоциативные параллели с прозой замечательного русского писателя-шестидесятника Юрия Казакова. С одной стороны — какой-то особый, невероятно доверительный и откровенный лиризм, а с другой — психологический надрыв, неустроенность, душевный дискомфорт. И чаще всего главный герой

борется сам с собою, как бы раздваиваясь; где добро и зло, живущие в нём самом. Нравственные начала и благие помыслы вступают в борьбу с аморально-запретным, с его внутренним «табу». И всему этому приданы соответствующие социальный фон и природное окружение.

И если герои книг Юрия Казакова жили в эпоху так называемой «оттепели» 50 — 60-х годов прошлого столетия, то персонажи рассказов и повестей Геннадия Дорогова — в период социальной смуты, передела собственности и переоценки ценностей. Но так уж устроены те, кто родились в «казаковское время», что безболезненно адаптироваться к новым условиям они не в состоянии. Вот и люмпенизируют, деградируют, вот и спиваются, вот и опускаются на самое дно слабые духом и немощные физически. Вот и мучаются совестливые, у которых ещё остались хотя бы капельки той самой совести и былой нравственности, как это показано в рассказах «Подорожник», «Звезда Бетельгейзе», «Давно забытые слёзы» или «Опрокинутый мир».

Вот и приходится идти на сделку с собственными устоями и даже с правосудием. Особенно ярко это видно в рассказе «Опрокинутый мир», где старый служака-следователь, майор Клименко говорит своему коллеге: «Мы ведь с тобой не первый год в милиции и хорошо знаем, насколько бесчеловечной бывает наша исправительная система. Но когда дело касается изуверов, наше грёбанное правосудие вдруг обретает «человеческое лицо». Беда в том, что мы нелюдей судим по человеческим законам».

Вседозволенность и безнаказанность, когда жизнь человека и гроша ломаного не стоит, когда деньги и бизнес делают всё. Вот и носит земля таких нелюдей, вот и бесчинствуют они — вроде маньяка и серийного педофила-детоубийцы Пологина. Вот и возомнили трое отмороzków себя «санитарами» свалочно-мусорных трупоб — цинично, безнаказанно, по придуманному ритуалу, раз в неделю, регулярно убивая бомжей («Санитарный день»). Вот и

получает один из главарей-отморозков «заказ» на своего дядю...

Совсем иным раскрывается нам автор в таких рассказах, как «Телевизор», «Мулатка, просто прохожая», «Милая Леночка», «Подорожник». Поистине казаковский мягкий лиризм достигается в них — с самокопанием и самоанализом, с воспоминаниями светлого и немного грустного. И непременно — мужчина и женщина: будь то просто прохожая или молодая проститутка.

Ещё ближе и глубже к этой теме подошёл Геннадий Дорогов в небольшой по объёму, но довольно ёмкой по эмоциональному накалу повести «Свет далёкой звезды».

Талант и заурядность, мастерство и ремесло — извечные полярности любого творчества, в том числе, и художников слова. Самодостаточность или самоуспокоенность, сомнения или самонадеянность? Оригинальное произведение или его поточная копия по шаблону? Таланты и поклонники, кумиры и их фанаты. И снова, и снова — сомнения, сомнения, терзания...

И опять, как у Юрия Казакова, на контрасте — большой суетный мир и мирок на двоих: «Где-то в стороне проносились машины, мигали светофоры, светили уличные фонари. Но всё это было там, в другом мире. А здесь царили тишина и покой, нарушаемые лишь плеском речной воды...».

Шумный юбилейный творческий вечер. Случайная незнакомка Лена — поклонница таланта писателя Вадима Берестова. И — внезапная взаимная притягательность, ощущение родства душ, вспыхнувшая чистая любовь-сказка. Любовь с первого взгляда. Совсем как у булгаковских Мастера и Маргариты. И — роман, в прямом, а не в переносном смысле — главный роман всей жизни писателя. Только у Мастера — как готовый итог, а у Берестова — лишь потенциальный, в замыслах. И Лена — несомненно — муза-вдохновительница этого самого главного произведения, надо полагать, незаурядного автора, — «как гений чистой красоты».

Но, но и но... Путы, узы — в виде конвейерно-поставленного шоу-бизнеса, в коем задействован Берестов; концертные репетиции, записи альбомов, гастрольные поездки и выступления. Помимо прочего — колесо телеиндустрии: поспешные, на потребу «попсовой» аудитории, сценарии телесериалов, встречи, искусственно раскрученная дешёвая популярность, банкеты, презентации, автографы, толпы фанатов и поклонниц... А ещё — обязанности семейные — и у Берестова, и у Лены, друзья, и расстояние между Москвой и Владивостоком... Естественно, дилемма: плыть ли и дальше этим путём славы, популярности, богатства, окончательно транжиря и тиражируя себя, или отрешиться от всего? Уйти, как монаху-отшельнику, от мира сего, занявшись настоящим творчеством, озаряемым «светом далёкой звезды» — той самой чистой, случайной любви-сказки? Или...

Современные байкеры, их образ жизни, характеры и нравы являются главной темой последней повести из этой книги — «Наташка и «Харлей-Девидсон». Любовь истинная и случайные связи, семейные узы и свободная любовь, дружба и предательство — будто всё, как и в обычной жизни... Но только опять — в этом самом перевернутом, «опрокинутом мире»...

Хочется сказать и ещё одно. Всё, что написано — правдоподобно, во многом узнаваемо, заставляет читателя заинтересованно следить за происходящим, сопереживать. Всё представленное в этой книге Геннадием Дороговым — сделано далеко не по-дилетантски, а профессионально и грамотно. И по-хорошему радуешься, что внешне у него это получается легко и непринуждённо.

Виктор Арнаут, член Союза писателей России.

Апрель, 2007г.